

УТРО

Раннее деревенское утро. Росные травы по пояс, блестят, переливаются катышками серебряных капель. Небо ещё бледно, солнце только-только поднимается из-за ближнего крутого бугра, ещё сонно, но уже весело взлетают овсянки, хрустально возвещая о новом молодом дне. Застонал чибис на ближнем изумрудном свежем лугу. Как хорошо! И неторопливо шагая узкой, увитой сплошь ивами, речке, говорю себе:

– Дай, Господи, полной жизни, светлого неба, этой зелени. И подольше дней, лет... И так бы ходить изо дня в день, всё это видеть... Что ещё нужно?

ПЛАЧУ...

Погоду сглазили, нынче весь день льёт.
Сажу у заплаканного окна, тоскую...

Вспоминаю Ливны, Мармыжи, кто там был, ходил по худым улицам, смотрел на древние тёмные дома – заросшие крапивой, лопухами, ещё какой-то травой, и всё это было близко, понятно, печально...

И вдруг наткнулся на монастырь, разрушенный, давно заброшенный, стены раскрошились, в основании гладкие, замшелые глыбы – камни. И рядом погост. Плиты, деревянные сгнившие кресты, заброшенность... Тяжело...

И навернулись непрошеные слёзы – как мы беспомысленны, глухи, одиноки...

СНЫ

1

Приснилось. Зима, метель. Вьюга. В поле ни зги. Охотимся. Гладкое, точно скатерть, поле: выстрел. И вдруг плач: детским голосом орёт раненый заяц, уже выбелившийся русак. Лобастый, с глазами, золотистыми внутри, живыми... И плач такой тонкий, близкий, родной...

Просыпаюсь весь в поту, бессмысленно озираюсь, не нахожу себе места.

Не приведи Господи таких снов...

2

Слежу, слежу, падаю – не возвращаюсь. Солнечный, ослепительный день, прозрачный ручеёк, затхлое болотце, изумрудная тина, лучистый луг... Где я? Что я?

– А-аа, лепестки, червонная дама...

– У-уу, вшивый король...

Идём, орём – в горную деревушку. Сливы уже зацвели, лепестки бамбука? Отозвались чьи-то голоса – Япония?

Сон, полуявь, лихорадка... И она? Красивая, темноглазая, нагая, с льющимися волосами по узким, твёрдыми плечами.

3

Какая-то далёкая глухая деревня. Старые деревянные засохшие дома. Рядом узкий длинный пруд, весь в изумрудной ряске. Великая тишь, благодать...

Возле крайней избы растут, высятся три берёзы, и на одной из них грач, тугой, резиновый, орёт, что-то пророчит. Угадать бы...

И дали, дали, светлые, туманные, голубые, разные...

Кудахтают куры, крякают утки, голоса птички... Голошу и я.

Древняя густая луговина, почти голые рыжие бугры в прозелени трав, заблудшая ленивая речка, увитая низкими лакированными лозинками, и длинное мычание худых потрёпанных коров. И летает, летает мотылёк, шёлковая лиловая бабочка...

4

Бормочу, бормочу: кто я, зачем я? Сон, разноцветные картинки: лечу, падаю, зелёный луг в золотистых одуваничках, стройные кони, бока-

стые жёлтые коровы. Всё мешается, и чётко возникают дьявольские рожи... Ору и просыпаюсь.

Раннее тусклое утро. За высокими окнами какой-то неясный шум, резкий скрёб лопаты – дворничиха убирает тротуары. Зима, ледяной воздух – в открытую форточку. Ёжусь, соплю, тяжело разлепляю веки и пытаюсь вспомнить сон: летний, сладостный, страшный... и никак не могу вспомнить.

Что за божье наказание – эти сны...

«НА ТЫСЯЧУ ВЁРСТ КРУГОМ РОССИЯ...»

Опять я в Спасском. И опять мне просто и печально здесь. Вечер. Синие сумерки. Западная сторона неба разноцветна, точно цыганская шаль. По деревенской улице сыто бредёт стадо коров, овец. Мычание, крик баб: «Милка, Милка... Оря, Оря...» А на скамейке неподалёку от меня сидит древняя иссохшая старуха. Лик её, как на иконе: строг и неподвижен. Она слышит и не слышит все эти звуки, взгляд её размытых глаз устремлён куда-то в пространство, в непонятную мне запредельность.

– Бабушка, как живёте?.. Внуки пишут?..

Молчит. Потом, оглянувшись, мёртво говорит:

– Что милый? Овцы не туда забегли? Дак они, шалопутные, завсегда такие. На то и овцы...

И отвернувшись, опять застывает, как мумия. Господи! Как древна и непонятна она... А она вдруг, что-то вспомнив, поворачивается ко мне и, слабо улыбаясь, говорит:

– Я тоже была шальной, как овцы. Бегала – не сыскать...

И древнее, порозовевшее лицо её просветляется, озаряется каким-то далёким светом. О чём вспоминала она? Что сверкнуло в ней?

Розовый, сладкий вечер. Пахнет пылью, коровьими лепёшками, разогретой травой. Слышу, как старуха бормочет:

– Земля чтой-то обнизилась...

А я вздрагиваю от этого слова, с испугом гляжу на неё: «Господи! – думаю я. – Она и Толстого могла видеть. Ведь он приезжал сюда, ходил по этой дороге, о чём-то разговаривал с Тургеневым. Загадочна жизнь...»